

А.С. Арсентьева

Влияние британской археологической мысли на колониальную археологию Японии на примере статьи Уильяма Гоуланда “Notes on the Dolmens and Other Antiquities of Korea”

Аннотация. В статье представлена краткая биография Уильяма Гоуланда (1842—1922) с упором на его публикацию 1895 г., где была описана его поездка в Корею в 1884 г. Деятельность У. Гоуланда в Корее рассмотрена через влияние британской общественной и политической мысли на археологию и антропологию того времени. Также проанализирован вклад самого Гоуланда на последующие японские археологические исследования в Корее, а именно: методы использования археологии для оправдания колониальной политики через сравнительный анализ археологических предметов, на основании которого строятся расовые теории о превосходстве одной нации над другой. Гоуланд упомянул археологическое место Кимхэ, впоследствии раскопанное японцами одним из самых первых в Корее в 1907 г. Также Гоуланда можно считать первым европейцем, который довольно подробно изучил корейские дольмены и разработал их классификацию по трем типам, используемую и в наши дни.

Ключевые слова: Уильям Гоуланд, археология, Япония, Корея, колониальная политика, культурно-исторический подход, дольмены, керамические изделия, Кимхэ.

Автор: Арсентьева Анастасия Сергеевна, магистрант, школа искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (адрес: о. Русский, кампус ДВФУ, корп. F). ORCID: 0009-0007-4627-7530.
E-mail: asarsenteva@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Арсентьева А.С. Влияние британской археологической мысли на колониальную археологию Японии на примере статьи Уильяма Гоуланда Notes on the Dolmens and Other Antiquities of Korea // Корееведение. 2024. № 1 (6). С. 5—13. DOI: 10.48647/ICCA.2024.30.55.002.

A.S. Arsenteva

The Influence of British Archaeological Thought on Colonial Archaeology in Japan: A Case Study of William Gowland's "Notes on the Dolmens and Other Antiquities of Korea"

Abstract. This article provides a concise biography of William Gowland (1842–1922) based on his 1895 publication recounting his 1884 journey to Korea. It explores Gowland's activities in Korea within the context of British public and political thought's impact on archaeology and anthropology during that era. Additionally, it examines Gowland's contributions to subsequent Japanese archaeological endeavors in Korea. The article delves into the methods employed in using archaeology to justify colonial policies, drawing from comparative analyses of archaeological artifacts which formed the basis of racial theories regarding national superiority. Notably, Gowland referenced the archaeological site of Gimhae, subsequently excavated by the Japanese in 1907, marking one of the earliest such endeavors in Korea. Furthermore, Gowland, as the first European to extensively study Korean dolmens, developed a classification system comprising three types, which remains in use to this day.

Keywords: William Gowland, archeology, Japan, Korea, colonial policy, cultural-historical approach, dolmens, ceramics, Gimhae.

Author: Anastasiia S. ARSENTEVA, master degree student, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (address: Russky Island, Far Eastern Federal University Campus, building F). ORCID: 0009-0007-4627-7530.
E-mail: asarsenteva@gmail.com

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Arsenteva A.S. (2024). Vliyaniye britanskoj arheologicheskoy mysli na kolonial'nyuyu arheologiyu YAponii na primere stat'i Uil'yama Goulanda Notes on the Dolmens and Other Antiquities of Korea [The influence of British archaeological thought on the colonial archeology of Japan using the example of William Gowland's article "Notes on the Dolmens and Other Antiquities of Korea"]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 1 (6): 5–13. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.30.55.002.

Введение

Цель данной статьи — проанализировать, какую роль сыграл Уильям Гоуланд, британский ученый, в становлении японской археологии в Корее. Основным источником исследования — это единственная статья Гоуланда «Заметки о дольменах и иных древностях в Корее» (Notes on the Dolmens and Other Antiquities of Korea), в которой он рассуждает о Корее и результаты которой впоследствии неоднократно воспроизводились японскими археологами. Однако нельзя считать Уильяма Гоуланда беспристрастным. Наше исследование обращается не только к содержанию статьи, но и пытается выявить, как на восприятие Гоуланда повлиял социально-политический контекст эпохи, британские воззрения на археологию, а также личный опыт самого ученого. В рамках этого была рассмотрена краткая биография У. Гоуланда, значение социо-политического контекста, а также его поездка в Корею, где им был проведен анализ корейских предметов и памятников, выявлены методы исследования и места, наибо-

лее интересные для японцев. В качестве источников используется единственная публикация Гоуланда, посвященная Корее, — *Notes on the Dolmens and Other Antiquities of Korea*. В качестве литературы выступают материалы из книги профессора Люка Эджингтона Брауна, где описана биография Гоуланда, влияние европейской мысли и японской политики на его взгляды. В книге сделан упор на социо-политические процессы в Европе и Японии, повлиявшие на взгляды Гоуланда, а также рассмотрены коллекции Британского музея. Одна глава посвящена его поездке в Корею [Edgington-Brown, 2016]. В качестве второстепенной библиографии выступают книги по истории археологии Брюса Триггера [Trigger, 2006], Л.С. Клейна [Клейн, 2011] и корейские работы, связанные со становлением археологии в Корее и раскопками в Кимхэ.

Биография Уильяма Гоуланда

Уильям Гоуланд (1842—1922) наиболее известен своей деятельностью в Японии и археологическими исследованиями Стоунхенджа, и, хотя по образованию Гоуланд был горным инженером-металлургом, помимо своей основной работы он стал заниматься археологией и коллекционированием. Он считается одним из отцов-основателей японской археологии, а также основоположником японской и корейской коллекций Британского музея. В 1872 г. Гоуланд был техническим советником японцев, работал при министерстве финансов на Императорском монетном дворе Японии в Осаке. В 1884 г. награжден Императорским орденом Восходящего солнца за вклад в создание Осацкого императорского арсенала; в том же году по заданию японского правительства посетил Корею. Гоуланд исследовал более 406 курганных гробниц периода Кофун (III—VII вв. н.э.). В свободное от работы время активно занимался археологией, коллекционированием и альпинизмом, даже ввел термин «Японские Альпы». Покинул Японию в 1888 г., и больше в Азию не возвращался. В 1895 г. Гоуланд был избран членом Лондонского Общества антикваров. В дальнейшем посвятил себя преподаванию металлургического дела и некоторым раскопкам, проводимым под патронажем Общества антикваров, самыми известными из которых были исследования Стоунхенджа. Коллекция, сформированная благодаря его археологическим исследованиям в Японии и в Корее, была приобретена для Британского музея в 1889 г. Огастесом Волластоном Фрэнксом (англ. Augustus Wollaston Franks) и экспонируется там до сих пор [British Museum].

Биография Уильяма Гоуланда довольно хорошо изучена прежде всего британскими и японскими специалистами, особенно его деятельность как археолога и путешественника известна в Японии [Kazuo Goto, Victor Harris, 2003]. Также о нем часто пишут в контексте британо-японских отношений XIX в. [Cortazzi, 2007] и исследований Стоунхенджа (работы The Society of Antiquaries of London) и японской коллекции Британского музея [British Museum]. Кроме этого, его имя часто всплывает в работах по археологии XIX в. [Díaz-Andreu García, 2007]. Гоуланд изучал разные исторические, археологические, природные памятники на территории Британии, Японии, Кореи. Сейчас многие из этих мест находятся

под охраной ЮНЕСКО. Также такое количество исследований об ученом обусловлено тем, что осталось более десяти его публикаций, связанных с археологией, историей и обработкой металлов. Научных русскоязычных работ о нем нет, если не считать краткие упоминания в статьях и книгах японистов про становление археологии в Японии и Японские Альпы [Кузнецова, 2019, с. 117]. Среди работ Гоуланда есть одна публикация о его поездке в Корею в 1884 г. Данный момент его биографии не особо освещается. Статья интересна тем, что относится к исследованиям японской археологии, антропологии и этнографии в Корее. В ней можно заметить методы оправдания японской колониальной политики в Корее, проявившейся в начале XX в. Гоуланда можно считать первым европейцем, который стал заниматься в Корее археологией. Некоторые его умозаключения используются и по сей день.

Колониальная археология

Гоуланд и другие западные специалисты, работавшие в Японии в конце XIX в., изучали японскую историю, проявляя интерес к установлению хронологии древней истории Японии и пытаясь определить происхождение японцев как народа путем изучения материальных артефактов, оставшихся от их жизнедеятельности. Гоуланд увлекся древним способом металлообработки и гончарного дела, особенно керамическими изделиями периода Кофун, которые приобретают все большее значение в Японии, поскольку правительство Мэйдзи (1868—1912) использовало их для узаконивания исторической обоснованности восстановления власти императора [Edgington-Brown, 2016, p. 1].

Исследования, касающиеся связи между Японией и Кореей в период Кофун, уже проводились местными учеными задолго до приезда британца. Было выдвинуто предположение, что японская императорская семья являлась потомками корейской знати. Гоуланд — не первый, кто стал изучать связь между ранней японской и корейской керамикой, но он стал первым, кто проверил эти идеи через этнографическое исследование современной корейской печи в 1884 г., которое он использовал для идентификации печей для обжига керамических изделий в Японии [Edgington-Brown, 2016, p. 147].

В рамках культурно-исторического подхода, популярного тогда в Европе, Гоуланд сравнивал корейские и японские нации в пользу превосходства последней. К XIX в. стала формироваться научная археология в Европе, происходит процесс становления националистической археологии и накопление неопределенного археологического материала, что в совокупности привело к возникновению культурно-исторического подхода, по которому можно проследить развитие этносов и культур с древности до наших дней по археологическим находкам и созданию хронологии [Манюхин, 2014]. Данным подходом стали активно пользоваться европейские державы для оправдания политики колониализма. В рамках культурно-исторического подхода разрабатывались теории о происхождении индусов, африканских народов и других этносов, основная идея которых заключалась в том, что эти люди на протяжении своего существования якобы отстава-

ли во многих отношениях, а европейцы принесли им цивилизацию [Клейн, 2011, с. 287—303].

В то время было три типа социальных контекстов, в которых развивалось большинство археологических традиций: националистический, колониальный и империалистический. Эти определения основаны на том, кто проводит исследование и какие намерения они имеют. Все три традиции укладываются в культурно-историческую археологию. Колониальная археология проводится колонизаторами и используется для оправдания плохого обращения с подчиненным коренным населением, например ранняя американская археология. Националистическая археология используется для прославления истории нации, осуществляется непосредственно представителями этой нации, например археология периода Мэйдзи в Японии. Империалистическая археология проводится с целью проведения межкультурных наблюдений по всему миру, используется для объяснения культурного, экономического и политического превосходства могущественных наций или этнических групп, проводящих эти исследования. Например, британская археология в конце XIX в. Однако между этими определениями есть некоторое пересечение. Допустим, археологическую деятельность, проводимую японцами в Корее, можно считать как колониальной, так и империалистической, в то время как археология, которая проводилась в Японии, содержала в себе националистическую повестку. Кроме того, британская археология конца XIX в. в целом была империалистической, но при этом опиралась на колониальные идеи о том, что современное население в других частях мира существует на более примитивных уровнях цивилизации [Trigger, 1984, p. 358]. Уильям Гоуланд, изучая японские древние памятники, задался вопросом происхождения японцев и начал сравнивать японские и корейские артефакты, используя националистический и в чем-то империалистический подходы, по которым получалось, что одна нация была более развитой, чем другая.

Поездка Уильяма Гоуланда в Корею в 1884 г.

В 1884 г. Гоуланд отправился в Корею в путешествие между Сеулом и Пусаном. Существует относительно мало информации о том, что он делал в стране, кроме публикации о Корее в его единственной статье от 1895 г. Последнюю он начинает с фразы: «В течение многих лет во время моего проживания в Японии я интересовался Кореей, особенно потому, что она, вероятно, была первоначальным домом или, во всяком случае, пунктом отправления с материка японской расы, изучением ранней истории, основанной на доисторических останках, которой я посвятил значительную часть своего времени и досуга» [Gowland, 1895, pp. 316—317]. В дальнейшем видно, что Гоуланд считает Корею более отсталой страной по сравнению с Японией и утверждает, что «предполагаемая степень ее цивилизации и прежней культуры становится предметом серьезного беспокойства. Я не видел ни работы по металлу, ни скульптуры, ни живописи, никоим образом не сравнимой с примерами в Японии, которые приписываются корейцам начала седьмого века, и если эти сохранившиеся там произведения искусства при-

надлежат корейцам, то упадок нации с того периода настолько велик, что имеет лишь несколько параллелей в истории» [Gowland, 1895, p. 317]. Данный аргумент в дальнейшем будет использовать японское генерал-губернаторство в качестве оправдания аннексии Кореи, только это утверждение не учитывает влияние войн и стихийных бедствий на сохранность древних памятников, а также того, что многие памятники просто не были еще найдены на тот момент. Прослеживается характерное для XIX в. использование английских методов интерпретации памятников, о которых нет письменной информации и датировок, а из-за отсутствия четкой структуры определения возраста в сравнительном анализе могут оказаться совершенно различные артефакты [Клейн, 2011, с. 146]. Сравнение разных по времени создания и использования предметов Л.С. Клейн назвал «подменой памятников» [Клейн, 2011, с. 76].

Увиденные предметы Гоуланд поделил на две группы: доисторические (дольмены, каменные орудия, ритуальная керамика) и более позднего времени (буддийские сооружения, японские укрепления, местные корейские укрепления). В то же время каменную большую статую из монастыря Кванчокса (관촉사 [灌燭寺]) Будды Майтрейя, названную Гоуландом как Мириок (Miriok), он не включил в данную классификацию [Gowland, 1895, p. 318].

Гоуланд слышал о трех дольменах, а по ходу своего путешествия обнаружил еще несколько на склонах гор. Одновременно он заметил, что дольмены встречаются на севере страны, а не на юге, подробно зарисовав и изучив три дольмена вплоть до материала, параметров, расположения, структуры. Он заметил, что три типа дольменов, которые он обнаружил, радикально отличаются от японских [Gowland, 1895, p. 318] и описал их подробно, выявив у них индивидуальные отличия. Он явно видел больше и глубоко изучал тему, потому что провел большой сравнительный анализ не только с другими корейскими и японскими дольменами, но и с сирийскими и индийскими. Гоуланд упомянул и других европейцев, которые описывали корейские дольмены: дипломата Карлеса (англ. Carles William Richard, 1848—1929) и миссионера-медика при посольстве США Аллена (англ. Horace Newton Allen, 1858—1932). А заявление Карлеса о том, что дольмены принесли в Корею японцы для подавления земной энергии [Carles, 1888, pp. 55—56], назвал легендой нового времени, придуманной для объяснения памятника, происхождение и использование которого давно забыто [Gowland, 1895, p. 320]. На основании своих исследований Гоуланд пришел к выводам, согласно которым трудно сказать, кто создал дольмены, но их точно не строили японцы — как в давние времена до их миграции с материка, так и во время их первого вторжения в Корею в первые века нашей эры, — потому что построенные японцами дольмены полностью отличаются по размеру и форме от корейских и больше похожи на курганы [Gowland, 1895, p. 320].

Примечательно, что классификация корейских дольменов на три типа до сих пор используется в Корее. Первый тип — две, часто вертикальные, каменные опоры и сверху большая глыба; второй тип — четыре каменные опоры и сверху булыжник; и третий тип — относительно плоский большой камень. Стоит отметить, что японцы в дальнейшем изучали корейские дольмены, хотя им уделялось меньше внимания, чем памятникам Троецарствия или исследованиям Кимхэ.

Найденные экземпляры разных древних керамических изделий Гоуланд назвал древними погребальными сосудами (англ. Ancient Sepulchral Vessels). Они были умеренно обожжёнными, неглазурованными, темно-железно-серого цвета без какого-либо декора, иногда покрытые матовыми отметинами и украшенные простыми геометрическими узорами из линий, с полосой или рядом волн в несколько линий, выполненных гребенчатым инструментом. Он заметил, что эти вазы очень редко встречаются в Сеуле, но в Пусане ему их приносили часто, и он узнал, что есть место с курганами в районе Кимхай (англ. Kimhai), где жители находят эти вазы. Однако никто ему не показал, где именно находятся эти курганы, в районе которых находят древнюю керамику [Gowland, 1895, p. 320]. Гоуланд пришел к выводу, что эта керамика хотя и похожа чем-то на японскую, но не идентична ей, и можно очень легко отличить японские и корейские образцы. Однако есть экземпляры, уникальные только для Кореи или Японии, а японские гребенчатые узоры не встречаются на древней корейской керамике, следовательно, они возникли в Японии за много столетий до того, как были переняты в Корею. А это значит, что отнесение своей древней керамики японцами к корейскому происхождению ошибочно и, вероятно, связано с их предположением, что корейцы всегда производили гончарные изделия теми же методами, что и сейчас. Другие виды керамики действительно впервые были изготовлены в Японии корейцами, но только в более поздние века [Gowland, 1895, p. 323]. Он предположил, что дольмены Кюсю датируются не позднее, чем примерно VII в. н.э., и, вероятно, не ранее II в. н.э., и что корейская керамика возникла вместе с этими дольменами, так как некоторые образцы из Ким-Хай (Kim-hai) похожи на сосуды, найденные в Кюсю [Gowland, 1895, p. 324]. Тут явно виден характерный для британской археологии подход к анализу предметов и памятников без привязки к письменным источникам через сравнение, не учитывающий при этом время создания предметов и являющийся наглядным примером развития подмены памятников [Клейн, 2011, с. 146]. Упомянутый Гоуландом Кимхай или Ким-Хай — это город Кимхэ, в пригороде которого была обнаружена одноименная археологическая культура.

Каменные изделия Гоуланд не нашел, он смог увидеть только пару экземпляров наконечников и каменных кинжалов из агальматолита в коллекции американского коллекционера Перри Луис Жуи (фр. Pierre Louis Jouy, 1856—1894). На основании столь скудных данных исследователь не смог сделать выводы, но так как один экземпляр оказался тоже из Кимхэ, то он предположил, что возраст керамики и каменных наконечников идентичен [Gowland, 1895, p. 325]. Буддийскую архитектуру Гоуланд просто описал с замечанием, что виден явный упадок буддизма в стране. К японским сооружениям он отнес только одну крепость в районе Чуксан, а про корейские оборонительные сооружения сказал, что они очень примитивные [Gowland, 1895, pp. 325—328].

Заключение

Уильям Гоуланд повлиял на формирование методов исследования археологии Кореи, применяемых японским генерал-губернаторством. Он сравнивал корейские памятники с японскими, при этом не всегда данные памятники объек-

тивно подходили для сравнения. Данный метод в дальнейшем стали применять и японцы. Также одним из первых мест, изученных японцами, окажется Кимхэ, который Гоуланд неоднократно называл как Kim-hai или Kimhae в контексте сравнений корейских и японских памятников в пользу последних. Это место, если не считать исследования гробниц в Кёнджу в 1906 г., было раскопано японцами самым первым в 1907 г. и изучалось генерал-губернаторством вплоть до 1945 г. [Юн Тхэён, 2014, с. 1]. В наши дни это целый музейный комплекс на северо-западе от Пусана в г. Кимхэ, известный как Историческое место № 2 (данную нумерацию присвоили месту еще японцы, но она применяется и в наши дни) Кимхэ Хвэхённи (김해 회현리). Также введенная Гоуландом классификация корейских дольменов на три группы применяется и по сей день. Бывший директор Национального музея Кореи Чи Конгиль отнес Гоуланда к одному из первых европейцев, использовавших археологические методы исследования в Корее [Чи Конгиль, 2016. с. 21—22].

Биографический список

Клейн Л.С. История археологической мысли // Курс лекций: 2-х томах. СПб.: СПбГУ, 2011. Т. 1. 688 с.

Кузнецова М.С. Японские курганные захоронения Кофун // Труды ИИАЭ РАН, 2019. Т. 25. № 4. С. 114—135.

Манюхин И.С. Культурно-исторический подход в археологии: прошлое и настоящее. URL: <https://human.snauka.ru/2014/03/6187> (дата обращения: 08.02.2024).

Carles, W. R. Life in Korea // London: Mac Milan and Co, 1888. 341 p.

Edgington-Brown, Luke. The international origins of Japanese archaeology: William Gowland and his Kofun collection at the British Museum // University of East Anglia, 2016. 420 p.

Gowland, W. Notes on the Dolmens and Other Antiquities of Korea // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1895. № 24. Pp. 316—330.

Díaz-Andreu García, Margarita. A World History of Nineteenth-Century Archaeology Nationalism, Colonialism, and the Past // Oxford, 2007. 486 p.

Harris, Victor; Goto, Kazuo. William Gowland: the father of Japanese archaeology // British Museum Press, 2003. 200 p.

Cortazzi, Hugh. Britain and Japan: Biographical Portraits // Global Oriental Publishing, 2007. Vol. VI. 448 p.

The British Museum: официальный сайт. URL: <https://www.britishmuseum.org/> (дата обращения: 08.02.2024).

Trigger, Bruce. A History of Archaeological Thought // Cambridge University Press, 2006. 732 p.

Trigger, Bruce. Alternative archaeologies: nationalist, colonialist, imperialist // Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1984. Vol. 19. No. 3. Pp. 355—370.

지갑길. 연대기로 본 발굴의 역사 1880—1980 [Чи Конгиль. История раскопок в хронологическом порядке 1880—1980 гг.] // Ёльхвдан: 2016. 560 с. (На кор.).

윤태영. 김해 회현리패총 [Юн Тхэёнъ. Курган из ракушек Кимхэ Хоэхённи] // 국립김해박물관, 2014. 475 с. (На кор.).

References

- Carles, W. R (1888). Life in Korea, London: Mac Milan and Co, 341 p.
- Cortazzi, Hugh (2007). Britain and Japan: Biographical Portraits, *Global Oriental Publishing*, Vol. VI, 448 p.
- Díaz-Andreu García, Margarita (2007). A World History of Nineteenth-Century Archaeology Nationalism, Colonialism, and the Past, Oxford: *Oxford University Press*, 486 p.
- Edgington-Brown, Luke (2016). The international origins of Japanese archaeology: William Gowland and his Kofun collection at the British Museum. Doctoral thesis, University of East Anglia, 420 p.
- Gowland, W. (1895). Notes on the Dolmens and Other Antiquities of Korea, *The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, No. 24: 316—330.
- Harris, Victor; Goto, Kazuo (2003). William Gowland: the father of Japanese archaeology, *British Museum Press*, 200 p.
- Kleyn L.S. (2011). Istoriya arkhеologicheskoy mysli. Kurs lektsiy: 2-kh tomakh [History of archaeological thought. Course of lectures: 2 volumes], Vol. I, SPb.: SPbGU, 688 p. (In Russian).
- Kuznetsova M.S. (2019). Yaponskiye kurgannyye zakhорoneniya Kofun [Japanese Kofun burial mounds], *Trudy IIAE RAN*, Vol. 25. No. 4: 114—135. (In Russian).
- Manyukhin I.S. Kul'turno-istoricheskiy podkhod v arkhеologii: proshloye i nastoyashcheye [Cultural-historical approach in archeology: past and present]. URL: <https://human.snauka.ru/2014/03/6187> (accessed: 08.02.2024). (In Russian).
- The British Museum. URL: <https://www.britishmuseum.org/> (accessed: 08.02.2024).
- Trigger, Bruce (2006). A History of Archaeological Thought, *Cambridge University Press*, 732 p.
- Trigger, Bruce (1984). Alternative archaeologies: nationalist, colonialist, imperialist, *Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, Vol. 19, No. 3: 355—370.
- 지건길 (2016). 연대기로 본 발굴의 역사 1880—1980 (*Ji Geongil. Yeondaegilo bon balgul-ui yeogsa 1880—1980*). [History of excavations in chronological order 1880—1980], Yeolhwadan, 560 p. (In Korean).
- 윤태영 (2014). 김해 회현리패총 (*Yun Taeyeong. Gimhae hoehyeonlipaechong*). [Gimhae Hoehyeon-ri Shell Mound], Gimhae National Museum, 475 p. (In Korean).

Поступила в редакцию: 14.02.2024
Принята к публикации: 23.02.2024

Received: 14.02.2024
Accepted: 23.02.2024